

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

9 344 / 5 263 кп.

Т Р У Д Ы ОТДЕЛА ВОСТОКА

ТОМ II

ЛЕНИНГРАД • 1940

ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ РЕМЕСЛЕННИКОВ
В ГОРОДСКИХ ПРАЗДНЕСТВАХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ
В XIV—XV ВВ.

Быт городского населения Средней Азии в средние века является одним из тех сюжетов, которого меньше всего до сих пор коснулась историография этой страны. В значительной мере это обстоятельство объясняется общим характером наших источников о Средней Азии, в подавляющем своем большинстве состоящих из хроник, посвященных главным образом политическим событиям. Источники эпохи Тимура и его потомков, к каковому периоду относится наша тема, в основном также посвящены событиям политического характера. В источниках этих мы встречаем в большом количестве описания многих моментов придворной жизни — царских охот, приемов и придворных празднеств. Особенностью последних является широкое участие в них городского населения. Феодалы в целях придания большей пышности и размаха празднеству, как мы увидим, даже принуждали население города участвовать в нем.

Описание этих празднеств приобретает особый интерес, прежде всего вследствие того, что участие в них ремесленников и торговцев придавало им весьма своеобразный колорит. В празднествах этих нашла свое отражение и производственно-профессиональная сторона деятельности горожан, и не в малой степени строй ремесла — его цеховой характер в эти века.

Описания самих празднеств в этой заметке мы не собираемся давать. Их характер в общем хорошо известен, хотя бы по Клавихо,¹ который имел случай присутствовать на одном из самых пышных празднеств, устроенных Тимуром.

¹ Рюи-Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд. СПб, 1881. Ср. А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, Лгр., 1930.

Его же. Образы Старого Самарканда. Журн. „Восток“ № 5, 1924 г.

Нижеприведенный материал касается исключительно участия в этих празднествах ремесленников и базарных торговцев.

Первым по времени упоминанием об участии ремесленников в празднестве является описание Хафиз-и Абру встречи в Герате в 1379 году Кутлуг-Аки, племянницы жены Тимура, которую последний выдавал замуж за Пир-Мухаммеда, сына гератского мелика Гияс-ад-дина. „Каждый цех (фирка), пишет Хафиз-и Абру, в соответствии со своей профессией приготовил удивительное зрелище (атракцион). (Так) хлебопеки построили высокий павильон (кэшк) из хлеба, а чистильщики хлопка соорудили минарет из хлопка. Ткачи камки несли передвижной ткацкий станок, на котором тут же производили работу“.¹ В том же роде были, как сообщает далее автор, зрелища, устроенные ремесленниками других профессий. Несмотря на свою краткость, описание это представляет значительный интерес. Прежде всего из него явствует, что ремесленники делятся по профессиям или цехам. Правда, термин здесь примененный не совсем обычен. „Фирка“ — для понятия ремесленного цеха редко встречается. Более часто, как известно, употребляется слово аснаф (форма множ. числа от „синф“). Однако характер зрелища, которое было устроено, свидетельствует о том, что оно могло создаться в условиях традиций цехового строя. Чрезвычайно любопытно, что первое упоминание об устройстве этих своеобразных „атракционов“ относится к Герату, городу, находящемуся на стыке культурных влияний 3-х стран — Ирана, Индии и Средней Азии. Здесь больше всего можно ожидать отражения и цеховых традиций этих стран.

Следующим по времени упоминанием участия городского населения в подобном празднике является описание встречи, устроенной жителями городов Средней Азии, главным образом самаркандцами, сыну Тимура Шахруху. В 1394 году последний прибыл в Среднюю Азию из Закавказья, где находился в то время Тимур. Торжественная встреча началась с момента перехода его через Аму-Дарью. Начиная от переправы, как рассказывает Шерефаддин,² на каждой остановке жители Мавераннахра выходили ему навстречу с подарками, рассыпая по пути его следования монеты.

Торжественна была встреча в Кеше. Однако наибольший интерес представляет описание Самарканда, пышно украшен-

¹ Рукоп. Лен. Гос. Публ. Биб-ки по каталогу Дорна № 290, л. 280.

² The Zafar-Namah by... Sharafuddin Ali of Yazd., Calcutta, 1888, I, p. 728.

ного в честь прибытия туда Шахруха. Шерефаддин описывает эту встречу в стихотворной форме.

„Самарканд так был украшен, начинает наш автор, что смог бы вызвать похвалу и у мудрецов. Все ремесленники поголовно, каждый по-своему, показали свое мастерство. Подобно раю разукрашен весь город и кварталы, начиная от Железных ворот;¹ от развешенных на стенах украшений превратились в цветные луга его базары. Златотканые кафтаны, шлемы и пояса точно знамена на всех воротах. От городских ворот до царского дворца путь устлан парчей и атласом. Весь город в золоченых украшениях. Золото и серебро разбросаны под ноги лошадей“.² Прибытие самого Тимура в 1396 году было отмечено еще большей торжественностью. Автор Зафарнамэ посвятил ему несколько страниц в прозе и стихах. Не останавливаясь на рассказе о приемах и пирах, устроенных Тимуром в честь феодальной знати в Кеше и Самарканде, отмечу лишь описание того, что было приготовлено самим населением. „Население того места (Самарканда), начинает автор прозой, раскрыв объятия веселья и радости, приступило к украшению города и повсюду построило привлекательные павильоны, в которых разместило приятноголось певцов“. Затем переходя к стихотворной форме, он продолжает.

„Весь мир наполнился весельем,
Всюду расположились музыканты,
Поверхность земли от рассыпанных драгоценностей
— точно покрывало вышитое алмазами.
Множество павильонов (чор-ток) так разукрашены, что
каждый
из них мог бы соперничать со сводом лазоревым.

.....
Как на улицах, так и на базарах,
стены (зданий) увешаны украшениями,
Все базары от края до края
Украсили люди ремесла.³

В обоих приведенных случаях центрами внешнего украшения города явились самаркандские базары, где ремесленники играли при этом первенствующую роль. Однако о характере украшений говорится в самых общих выражениях.

¹ В печ. тексте درآفرین. Полагаю, что следует читать در آهنین — Железные ворота (двери). Так назывались ворота в северной стене Самаркандской крепости.

² The Zafar-Namah, I, 729.

³ Там же. I, 796.

О том, как выглядели павильоны и в чем выражалось „искусство ремесленников“, наиболее полное представление дают рассказы источников, посвященные празднествам, устроенным в 1404 году Тимуром по его возвращении из индийского похода.

Почти все авторы по истории Тимура, в том числе и Клавихо, отводят определенное место именно этим празднествам, так как они по своему блеску превосходили все предыдущие увеселения. У восточных авторов в данном случае описание полнее, чем у кастильского дипломата. Прежде всего, следует отметить одну незначительную деталь, которой отличается описание первых от описания Клавихо. Празднества были устроены в честь свадьбы не одного „внука“, как об этом пишет Клавихо,¹ а нескольких, именно — Улугбека, сына Шах-руха, Ибрагим Султана и Иджиль, сыновей Мираншаха, и двух сыновей Омар шейха-Ахмеда и Байкары.² Наиболее важные подробности интересующей нас стороны праздника, а именно участие ремесленников, мы находим у Шерефаддина и у Ибн-Арабшаха. К сожалению, описание Шерефаддина, благодаря стихотворной форме, сильно растянуто. Растянуто оно и у Ибн-Арабшаха, все сочинение которого написано белыми стихами, тем не менее картина получается достаточно яркая.

Начну с описания Шерефаддина.

„Так как, — пишет он, — августейшая мысль его величества Сахиб Кырана обратилась на веселье и радость, а согласно изречению: „Корни обогащаются за счет ветвей“, изобилие радость и счастье стало всеобщим и лучи благоденствия и ликования проникли в мысли и великих и малых, „(в том числе) все цехи (аснаф) ремесленников и мастеровых раскрыли руки способностей, и каждый из них (тайифа) изобрел зрелище, достойное своего ремесла“. Само описание устроенных зрелищ Шерефаддин дает в стихотворной форме.

— Задумали люди каждой профессии — начинает он —
устроить зрелище, подобающее их ремеслу.

Люди всех классов — простые и благородные,
Каждый по-своему показали нечто привлекательное.

Продавцы драгоценностей красиво
развесили нити из драгоценных камней.

Царский кулах (головной убор) они разукрасили
бесчисленным числом дорогих камней.

— Рубинами цвета граната, благородным лалом
Сверленным и цельным (несверленным) жемчугом.

Какими словами привлечь мне взоры

¹ Клавихо, стр. 282.

² The Zafar-Namah, II, 605.

людей к хрусталу, кораллу и яшме!
От блеска ожерелий устыдились плеяды.
Близнецы (звезды) в смущеньи от чистых камней.
Искусные мастера по золоту
превратили Кани гиль¹ в рудник золотой.
От обилия колец, браслетов, серег
Старый мир стал подобен молодой невесте.
А ряды, отведенные продавцам материй,
(Казались) цветущим входом в мир.
По решению этих достойных людей
Вознесся ввысь высокий павильон,
Обтянутый сверху донизу
Парчей плотной и шелком.
Разостланы в нем шелковые ковры —
Красавцы заняли свои места.
Везде музыканты поют и играют.
Их голоса приводят в волнение Венеру.
Обладают они голосами соловьев и речью попугаев.
Кокетством пленяют сердца и мужчин и женщин.
Станом — кипарисы, лицом — (полные) луны,
То песню поют, то сказ ведут, то шуткой народ веселят.
(Так) и другие из ремесленных цехов
украсили каждый отдельный павильон.
Каждый из них стал местом сбора чарующих сердца
певцов солнцеликих.
От разнообразия напевов и прелести (певцов)
Глаз, точно нищий, полон мольбы.
Фисташки (губы) луноликих сладкие, как сахар,
(Извлекают) из каждого руда² иной мотив.
Таких павильонов было около ста четырех,
Вознесли они свои главы к 9 сводам.
Вокруг толпа продавцов фруктов
(Играет) на зурнах, барабанах. Шум и крик.
Высокие, кипарисоподобные станом, юноши
Стояли у корзин с различными фруктами.
В каждой из них иной плод
Уложен умело, привлекательно.
Айвам, фисташкам, орехам, грушам, яблокам
Порядок раскладки придает красоту.
Об их укладке столь же заботились,
Как при нанизывании жемчуга на нитке.

¹ Здесь у автора игра слов: Кан-и-Гиль — название известной местности ж с.-в. от Самарканда, где происходили празднества, — обозначает рудник глины.

² Руд — название струнного музыкального инструмента.

Раскрытый гранат со смеющимся ртом
 точно шкатулка, в которой рубины.
 Что сказал я!—Нет, не шкатулка, а курильница из
 золота,

Каждое зерно блестит подобно звезде,
 От запаха фруктов и вблизи и вдали
 Весь пирующий народ благоухает,
 Плодам порядок придает красоту,
 блеск, яркость и очарование.

Затем все мясники на свой лад
 Устроили множество редкостных зрелищ,
 Искусством превращен человек в барана,
 Одет он в шкуру без изъяна.

Козлы, говорящие, золоторогие,
 шествовали один за другим.

По виду (они) подобны козлам, но под оболочкой
 Периподобные, способные очаровать и сердце и душу
 людей,

Пери умеют иногда волшебством
 менять свой внешний вид.

(И здесь) периликие обрели новый образ,
 то в слоноподобных обратясь, то в баранов.
 Таким же способом ловкие скорняки
 превратились (одни) в гепардов, (другие) в тигров,
 В шкуры различных зверей облачившись,
 Сами в них прятались, точно душа в теле.
 Обращали себя и по форме и цвету
 в лисиц, гепардов, гиен и барсов.
 По виду хищный зверь, но на деле пери.

.....
 Что мне сказать об искусных мастерах веревок, способных
 расщепить и волос.

Они вывели много верблюдов,
 Сделанных из дерева, камыша, веревок и паласов.
 Умело сделали они остов верблюда
 И спрятались в нем, дабы наглядно показать
 свое мастерство жителям мира.

.....
 А сейчас, дабы речь не затянулась,
 Обратимся от мастеров веревок к чистильщикам хлопка.
 Они, совершенные в своем искусстве,
 Сделали из хлопка множество птиц с оперением и крыльями.
 Легко построить минарет из кирпича и глины,
 Но трудно (соорудить) его из очищенного хлопка.
 Посмотри, как умело они это решили!
 Они предпочли минарет из хлопка и камыша.

Минарет, который они воздвигли,
Смог бы служить лестницей на самое небо.
Это был минарет, подобный кипарису, стану красавицы,
Который передвигался с места на место.
Сверху донизу он был красиво разукрашен,
Весь его корпус из окрашенного хлопка.
На верхушку его неподвижно посадили аиста,
Оттуда он смог бы переключаться с ястребом в поднебесьи.
А если спросишь о кожевниках,
Было иным их сооружение.
Искусными руками их были устроены
Два переносных паланкина, прикрепленных к верблюду.
Когда верблюд с паланкином были готовы,
В них сели двое юношей,
Ловкостью, грацией, красотой и блеском
Один превосходил другого.
Щеки каждого из них устыдили луну.
Их кокетство — опасность для веры и сердца.
Каждый из них держал в руках по бубну.¹
Каждый удар уносил сердце друга.
Играя на бубнах, притоптывали ногами,
Тем выметали покой из сердец.
Их игра и танцы
Подымали смуту среди собравшихся.
(Мастера цыновок) удивительные плели цыновки.
Столь искусные в своем ремесле, что смогли бы рас-
щеплять волос подобно камышу.
В одной полосе двумя почерками — куфи и ма'кали —
Вплетали письма красивые и трудные.
От тех узоров превосходных
Дух Мани устыдился бы за свой Арзанг.²
Таким же образом каждый (цех) ремесленников и мастеров
На свой манер показал свое искусство.
Прослушал ты рассказ о ремесленниках.
А теперь я начну сказ о базигарах.³
Удивительно было их хождение на канатах.
От изумления люди побросали свои дела.
Конец каната так (высоко) укрепили,
Что верх его терся о небесный свод.

¹ В оригинале — пуст — „шкура“.

² Мани — основатель религиозной секты манихеев (III в. х. э.), как известно, считается в средневековьи изобретателем миниатюрной живописи. Арзанг или Аржанг — название сочинения Мани, по преданию украшенного миниатюрами его работы.

³ Базигарами называются вообще базарные комедианты, по преимуществу канатоходцы.

Со всех сторон опускались веревки столбов —
 Сверху вниз, справа и слева.
 Ты бы сказал, что тот столб достигал неба,
 (А на нем) канатоходец был подобен не луне, а солнцу,
 Его щек блестящая луна устыдилась.
 Конец столба вознесся выше небесного свода.
 Качаясь на веревках, он был столь прекрасным,
 Что ты сказал бы — появились два солнца на небе.
 Он так легко и ловко взбирался по канату,
 Точно блестящая звезда по небесному куполу.
 Канатоходство было (все же) самым незначительным,
 Но если перечислить (все) подробности, то рассказ
 удлинится.

Поэтому скажи каляму: вернись к прерванному рассказу.

Это же празднество описывает другой современный автор —
 Ибн-Арабшах, который был, вероятно, и очевидцем их.

Его описание по своему характеру сходно в основном
 с данными Шерефадинна. Особый интерес представляет кон-
 кретное описание нескольких предметов, сооруженных ремес-
 ленниками, которые не перечислены Шерефадином. „И при-
 казал он (Тимур) жителям города, рассказывает Ибн-Араб-
 шах, чтобы они приготовили украшения.... и чтобы они
 вынесли их к месту, находящемуся на расстоянии около мили
 от Самарканда, называемому Кани Гиль... И извлекли жители
 города то, что у них было приготовлено из предметов убран-
 ства и украшения, и расположили их в порядке. Палатки
 заняли всю площадь на пространстве, пока хватал глаз. Каждый
 из жителей города выставил все, что он имел красивого.
 А ремесленники выказали старание (в показе того), что было
 связано с их ремеслом. Каждый из них усердствовал (в соору-
 жении) зрелища, подобающего их профессии. Так, мастера
 цыновок устроили всадника с полным вооружением. Был он
 крайне тщательно отделан вплоть до ресниц и копыт. Полно-
 стью до мелочей снарядили его (всадника) оружием вроде
 лука, меча и другого вооружения, все это было сделано из
 камыша. И возвышался он (всадник) на своем месте без опор
 и подставок.

А ткачи хлопка устроили павильоны (مدينة) из хлопка,
 устойчивые, превосходные, по пропорциям — привлекательные,
 устройством — крепкие, по виду — прекрасные, белизной пре-
 восходили белки глаз черноокой (красавицы), совершенством
 устоев превосходили дворцы.

¹ The Zafar-Namah, II, 605.

Когда они были установлены, то своей красотой притягивали к себе взоры прохожего. А над всеми (павильонами) высился минарет. Таковы же были сооружения ювелиров, кузнецов, кожевников, мастеров луков и ремесленников других цехов. (Показали свое искусство) и мастера увеселений. (В то время) Самарканд являлся местом сбора для искусных мастеров и стоянкой для людей совершенных. Каждый цех установил в своем ряду все, что соорудили его мастера. Позади же разместились базары, где музыканты громко трубили в трубы, били в барабаны. Слоны были (пышно) украшены, а породистые лошади были покрыты горделивой сбруей¹.

Хафиз Аbru в своем продолжении сочинения Низамадина Шами „Зафар-намэ“ также посвящает целую главу описанию этих пиров и празднеств. И в его описании также не обйдено молчанием участие в празднестве ремесленников. О них он пишет следующее: „А ремесленники и мастеровые всех иклимов окраин и стран мира в разнообразных одяниях, согласно обычаям своей страны, отдельно по цехам (фаудж) приготовили разнообразные украшения и привлекательные убранства в виде венков и уборов, редких вещей и праздничных нарядов, тканей и (других) произведений своей области, каждая группа соответственно своему положению.

А певцы прекрасноголосые и музыканты сладкозвучные играли и пели на мотивы по образцам персов, на мелодии арабов, по обычаям турок, на голоса моголов, по законам (пения) китайцев и размерами алтайцев.“²

Хафиз Аbru, таким образом, подчеркивает разнородный в национальном отношении характер участников празднества, что для Самарканда, конечно, имело фактическое основание, так как сюда были собраны Тимуром ремесленники из всех завоеванных стран.

В заключение приведу рассказ об этих празднествах Клавихо, также бывшего их очевидцем. Вот что он пишет по этому поводу: „Для большого веселья царь велел объявить по всему городу Самарканду, чтобы все городские торговцы, менялы, продавцы тканей, так же как и жемчуга и разных других вещей и всевозможных товаров, повара, мясники, хлебники, портные, башмачники и всякие другие ремесленники, какие только были в городе, собрались на поле, где стояла его орда, поставили свои палатки и продавали свои товары здесь, а не в городе; и кроме того, чтобы в каждом ремесле устроили игру и ходили с нею по орде, чтобы забавлять на-

¹ Аджайб-уль-макдур... Каирск. изд., стр. 159 и сл.

² Продолжение Зафар-Намэ Низамадина Шами издано в „Archiv Orientalni“, 1937 г., V, II, № 3, Praha.

род и чтобы не смели уходить оттуда без его позволения и приказа. По этому объявлению все торговцы вышли из города со всем своим товаром и с работниками и расположились в орде, каждое ремесло в отдельной улице, которую разделили по порядку; в каждом ремесле устроили свою игру, с которой ходили по всей орде и забавляли народ".¹ В другом месте, возвращаясь к празднику, он пишет. „В этот день было устроено много разных игр; и, кроме того, раскрасили слонов, которые были у царя, зеленым и красным цветом и на разные другие лады, поставили на них беседки и делали с ними большие представления. Частью от этих представлений, частью от барабанов, на которых играли во время их, был такой шум, что на удивление. В павильоне, где был царь, было также много музыкантов, которые играли".² Специально о канатоходцах Клавихо сообщает:

„Перед царем были поставлены столбы с веревками, на которые люди лазали и делали разные представления. Слонов у царя было четырнадцать; на каждом из них была деревянная беседка, покрытая шелковой тканью, с четырьмя желтыми и зелеными флагами на каждой. В беседках было по пяти и по шести человек".³

После смерти Тимура, когда столица империи перешла в Герат, правившие здесь потомки Тимура перенесли и устройство богатых и пышных празднеств в этот город. Источники сообщают довольно часто об их устройстве, во многих случаях давая более или менее подробные их описания. И здесь, почти без исключения, все подобные празднества проходили с участием ремесленников. Иногда это участие шло индивидуальным порядком, когда каждый ремесленник или базарный торговец украшали на свой вкус свою мастерскую и лавку. Так, например, по случаю прибытия в Герат в 1412 г. китайских послов Шахрухом был издан указ, предлагавший населению украсить город в целом и его базары и „чтобы каждый ремесленник показал совершенство своего таланта и украсил бы свой дуكان".⁴ Но чаще ремесленники принимали участие в этих событиях корпоративно. Так, уже во второй половине XV в. при Султан-Хусейне по случаю прибытия его сестры Беди-уль Джемаль Бегум были устроены празднества в одном из самых больших садов Герата — Баг-и-Заган (Сад ворон). Празднества длились около двух месяцев. И здесь ремесленники приняли очень заметное участие. „Ремеслен-

¹ Дневник, стр. 282.

² Там же, стр. 292.

³ Там же, стр. 298.

⁴ Абдуррезак Самарканди. Матла'-ас-саадайн. Рук. Лен. Гос. Ун-та № 157, лист 1924 в.

ники, пишет Мирхонд, заняли правую сторону дороги, начиная от входа до центрального хауза. Они построили удивительные дуканы и киоски, по своим украшениям (подобные) китайским картинным галереям и способные вызвать зависть у звезд Зодиака.

Были показаны разного рода удивительные зрелища и (изобретены) занимательные выдумки. Каждый цех в соответствии со своим ремеслом смастерил редкостные зрелища и невиданные фигуры¹.

Имеются и другие, правда, еще более краткие указания подобного порядка.

Особо стоит рассказ о таком празднике в Герате, в котором дается чрезвычайно любопытное описание вазы специально к празднику изготовленной — с изображением на ней главных ремесел. Празднество было устроено по случаю рождения царевича в 1469 г.

Об участии ремесленников сообщается следующее:

„Ремесленники силой природного (дара) и тонкости таланта изобрели и соорудили разнообразные забавы.

... Искусные мастера со всех стран мира, а в особенности богом охраняемых областей, прибыли к высочайшему двору, и все они силой своего разума показали диковинки и редкостные (предметы). В том числе Ходжа Али, исфаганский мастер по ганджу, изобразил на сосуде для розовой воды 32 группы ремесленников — число, равное количеству их в мастерской мира. Причем каждый из ремесленников всех 32-х мастерских (дуканов) был занят своим ремеслом. А некоторых из ремесленников, которые по характеру их ремесла нуждаются в движении, как, напр., портного, чистильщика хлопка, столяра, кузнеца, он изобразил в состоянии движения так (искусно), что и в зеркале фантазии лучшую картину показать было (невозможно). Другие находились в открытых разукрашенных дуканах. Они спиной покоя опирались на ложе почета, а слуги перед ними стояли, готовые к услугам. Все так превосходно было изображено и с такой пышностью исполнено, что разум людей терялся в пустыне размышлений. Когда его величество, убежище халифатства, осмотрел тот удивительный сосуд, он сильно удивился этой редкостной вещи. Проявляя крайнее внимание и заботу, он велел (сосуд) отнести в гарем. И действительно, эта картина ремесел мира и содержание профессий человечества могли удивить открытую шкатулку неба и стеклоделательную мастерскую сферы небесной“².

¹ Мирхонд. Раузат-ас-Сафо. Бомб. литогр. изд., кн. VII, стр. 35.

² Абдуррезак, л. 336а.

Из этого сообщения хотелось бы выделить факт проникновения в изобретательное искусство производственно-ремесленной тематики, что безусловно представляет крупный интерес. Что это было не единичным и не случайным явлением, доказывают относящиеся к тому же времени известные миниатюры знаменитого Бехзада и других художников, изображающие трудовые процессы.

В виде заключения приведу выдержку из рассказа Абдуррезака о празднике в Самарканде, устроенном Абу-Сеидом в 1462 г. „(Абу-Сеид), пишет Абдурреззак, приказал, в ознаменование совершения над царевичами обряда обрезания, приготовить на поле (Кан-и-гиль) все необходимые материалы для сооружения киосков и предметов украшений. Были построены павильоны и палатки, ограды, шатры с куполом, достигавшим солнца и луны, а шнуры и веревки навесов потянулись до вершины Сатурна. Ремесленники устроили разнообразные забавы. Из парчи китайской, франкских тканей и других материалов ремесла они соорудили различные диковинки и разнообразные редкости. А талантливые мастера и знаменитые художники разукрасили столько разнообразных фигур, что ум бессилён описать все совершенство их мастерства“¹.

DE LA PARTICIPATION DES ARTISANS DE L'ASIE CENTRALE AUX FÊTES URBAINES DES XIV-e — XV-e SIÈCLES

Les fêtes données à la cour des princes féodaux de l'Asie Centrale et du Khorassan à la fin du XIV-e et au XV-e s. (au temps de Timour et de Timourides) avaient ce trait particulier que les artisans et les marchands des bazars y prenaient part. Les ouvrages historiques de l'époque présentent sous ce rapport un intérêt spécial. Les descriptions des fêtes qu'on y trouve témoignent que les artisans prêtaient à ces fêtes un caractère spécifique en y introduisant des éléments de leur métier. Ainsi, par exemple, les boulangers élevaient des pavillons en pain, les nettoyeurs de coton—des minarets et des tours

¹ Абдурреззак, л. 329 в.

en coton, les pelletiers s'affublaient de peaux ornées etc. De pareils spectacles pouvaient avoir lieu à condition que des corporations professionnelles y prenaient part et que le métier avait une organisation par corps. En s'appuyant sur des données historiques l'auteur affirme que telle était l'organisation du métier en Asie Centrale au XIV-e — XV-e siècles.

A. Béléńitsky

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

122

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1970

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

О «РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ»
В ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Проблема рабовладельческой формации на Востоке в последние годы стала темой оживленных дискуссий как в советской исторической литературе, так и в коммунистической печати зарубежных стран. Проблеме этой справедливо придается помимо теоретического весьма актуальное значение в связи с настоятельной необходимостью разработки истории бывших колониальных стран, ставших ныне независимыми¹.

В обсуждении этой проблемы представители среднеазиатской историко-археологической науки, к сожалению, не приняли участия, хотя в свое время вопросам, связанным с ней, уделялось ими большое внимание. По существу вопроса в среде историков и археологов разногласий не имеется. Общепринятой является концепция (схема) о смене общественных формаций в историческое время с достаточно определенными хронологическими рамками для каждой из них. Длительность рабовладельческой формации определяется приблизительно в целое тысячелетие с середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. Аргументы и факты в пользу этой концепции приведены в «Истории таджикского народа», в которой этому вопросу посвящен особый раздел². Автор раздела собрал имеющиеся в источниках сведения, говорящие о том, что в древности среднеазиатское общество знало институт рабства. С этим едва ли приходится спорить. Однако имеющиеся факты не дают никакого представления о роли рабов в процессе классовообразования. Представляется, что сторонники теории о рабовладельческой формации в античной Средней Азии при анализе сведений письменных источников не учли главного экономического фактора в истории классовообразования, классовой дифференциации общества. Речь идет о форме (едва ли не самой важной) отчуждения прибавочного продукта у производящего слоя населения, нашедшей свое выражение во взимании регулярных податей-налогов.

В истории среднеазиатских народов взимание податей впервые засвидетельствовано в ахеменидское время. Первые реальные сведения о том, что с основных земледельческих областей Средней Азии, как-то: Согд, Бактрия, Хорезм и др. — взималась постоянная подать, как известно, приводятся Геродотом, который связывает свое сообщение с административной реформой Ахеменидского царства, проведенной Дарием, а именно

¹ См. сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966; сб. «Античное общество». — «Труды конференции по изучению проблем античности». М., 1967; Ж. Шено. Дискуссия о раннеклассовых обществах на страницах журнала «La pensée». «Вопросы истории», 1967, № 9, и др.

² «История таджикского народа», т. I. М., 1963, стр. 464 и сл.

делением всего государства на сатрапии. Можно считать, однако, что подать эта была введена до Дария, поскольку Гаумата (Лжебардия), захвативший власть в государстве до воцарения Дария, объявил о снятии налогов на три года³. Исчислялись они в талантах и взимались как драгоценным металлом, так и в натуре, продуктами. О том, какова была организация и в каком размере взималась подать с населения — с земледельцев и скотоводов, — данных нет. Геродот называет подать «форос». В ахеменидской практике подать носила название «базиш». Этимологически слово это восходит к понятию «часть», в глагольной форме «делить»⁴. Очевидно, что налог взимался в виде определенной части от урожая, от величины стада. Однако, какова была эта доля, не установлено. Общий же размер налоговых изъятий, учитывая уровень производительных сил страны, следует признать весьма большим. Он равнялся для основных областей Средней Азии, по Геродоту, в весовом исчислении 910 талантам серебра, т. е. более чем 30 000 килограммов — сумма, безусловно, очень большая⁵. В этой установленной при Ахеменидах практике взимания регулярной подати следует видеть и начальную ступень в сложении института земельного налога-ренты, который на всем протяжении древней и средневековой истории народов Ближнего Востока, меняясь по названию и по размерам, становится основной формой эксплуатации общинного крестьянства вплоть до нового времени.

Именно эта практика взимания регулярного налога имела решающее значение, как нам представляется, для всего процесса классообразования, она лежит в основе классовой дифференциации общества, являясь основным фактором в процессе поляризации реальных классовых групп общества с особыми противоположными друг другу экономическими интересами.

Мы мало знаем о подлинной организации налогового аппарата в сатрапиях Ахеменидского государства. Известно лишь, что сами сатрапы назначались из числа приближенных к царю лиц, в ряде случаев из числа ближайших родственников. Известно и то, что при сатрапах имелись военные гарнизоны. Однако ничто не говорит о том, что для непосредственного управления, в том числе и для сбора налогов с населения, входившего в состав сатрапий, был создан особый бюрократический аппарат. Можно считать бесспорным, что громоздкое дело обложения налогом и сбор его были переданы в руки уже существовавших органов общин, племен и более крупных объединений. Именно верхушка должна была войти в непосредственный контакт с сатрапами и их окружением. Двухсотлетнее владычество Ахеменидов было достаточным для того, чтобы весь характер взаимоотношений между этой общинно-племенной (условно говоря) верхушкой с производящими слоями населения, с одной стороны, и с собственно аппаратом власти сатрапий — с другой, претерпел глубокие изменения.

Яркой иллюстрацией этих перемен и их характера могут служить факты, характеризующие начальный и последний периоды владычества Ахеменидов в Средней Азии. На начальном этапе, уже в 520—518 гг. до н. э., через десять с небольшим лет после завоевания страны Киром, имеют место такие антиахеменидские движения, как известные восстания в Маргиане, Парфии и среди племен саков. Во главе этих восстаний, как по-

³ Вопрос этот подробно исследован М. А. Дандамаевым. См.: М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, стр. 147 и сл.

⁴ Налоговая система при Ахеменидах в советской исторической науке исследована подробно рядом авторов. О размере налогов-податей см.: «История таджикского народа», т. I, стр. 206 и сл. Из последних исследований см.: И. В. Пьянков. Восточные сатрапии державы Ахеменидов в сочинениях Ктесия. Автореф. канд. дисс. (дисс. не опубликована). М., 1966, стр. 5 и сл. О термине «базиш» см.: F. A. Altheim. Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter, Bd. I. Halle, 1947, стр. 148.

⁵ См. прим. 4.

казали исследования В. В. Струве, стояли представители общинно-племенной верхушки⁶. Для конца же ахеменидского владычества господствующая верхушка местного населения, имена которых нам известны⁷, представляется теснейшим образом связанной с ахеменидской властью, фактически образуя с ней единый господствующий слой общества. Экономической базой для такой консолидации (если не слияния) интересов ахеменидской власти и местной верхушки и служила система налогов, ставшая основным инструментом эксплуатации общинников-крестьян и скотоводов. Здесь необходимо отметить, что нельзя рассматривать налоговую систему как единственный канал, по которому протекал процесс слияния местной верхушки с господствующим слоем Ахеменидской державы. Очень важным фактором в этом процессе явилось то, что Ахемениды привлекали в состав своих войск значительные воинские контингенты из местного населения. Об этом имеется достаточно много сведений в источниках, начиная от Геродота и до авторов, описывающих походы Александра Македонского⁸.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на истории развития этих процессов в послeahеменидское время и вынуждены ограничиться лишь указанием на некоторые моменты. Так, известно, что Александр Македонский в своей политике сближения с местной верхушкой общества в сущности продолжал политику ахеменидских царей, только в еще более четких формах. Продолжать эту политику были вынуждены и цари Греко-Бактрийского государства, поскольку собственно греческие элементы, на которые они могли бы опираться, были весьма ограничены⁹. Для Парфянского царства, занимавшего период почти в полтысячелетия, в качестве важного факта, свидетельствующего о рабовладельческом характере общественного строя, приводятся сообщения Юстина и Плутарха о рабских контингентах в составе войска знаменитого полководца Сурена в битве при Каррах¹⁰. Аргумент этот крайне уязвим, поскольку говорит об использовании рабов не в хозяйственной сфере. В данном случае уместно напомнить о роли рабской гвардии, так называемого гулямства, в Средней Азии и других странах Ближнего Востока в средние века. Гулямство не только не может рассматриваться как антагонистичный класс по отношению к господствующему классу, но, наоборот, являлось опорой последнего. Особый интерес представляют нисийские документы (остраконы), характеризующие дворцовое хозяйство парфянских царей, поскольку они уже рисуют реальные черты налогообложения и в определенной мере земельные отношения в Средней Азии в античное время (на рубеже н. э.). Нельзя не отметить то обстоятельство, что эти хозяйственные документы, принадлежавшие дворцовой канцелярии, вовсе не упоминают рабов. Они относятся к поступлениям с земель по линии налогов и одновременно характеризуют разветвленный слой чиновников, связанных с их взиманием¹¹.

Если сопоставить все факты о земельных и налоговых отношениях древности с данными средневековья, то мы без труда установим, что основа их одна и та же. И хотя можно оспаривать, как слишком прямолинейное, сопоставление В. В. Бартольдом представителей знати владетелей «скал» времени походов Александра Македонского с дехканами — земле-

⁶ В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. ВДИ, 1949, № 2, стр. 27 и сл.

⁷ Как, например, Спитамен, Оксарт, Сизимитр и др. О них подробно см.: «История таджикского народа», т. I, стр. 236 и сл. Большинству их связь с Ахеменидами не помешала позже перейти на сторону Александра.

⁸ «История таджикского народа», т. I, стр. 208 и сл., где имеются ссылки на первоисточники.

⁹ Вопрос этот подробно рассмотрен в работе: F. A. Altheim. Указ соч., стр. 269 и сл.

¹⁰ «История таджикского народа», т. I, стр. 469 и сл.

¹¹ И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц. Документы из Нисы I в. до н. э. М., 1960.

владельческой аристократией периода арабского завоевания¹², генетически мы имеем дело с одним и тем же социальным слоем общества. Сторонники концепции о рабовладельческой формации приводят и ряд косвенных аргументов. Таким аргументом является утверждение о том, что без применения массового рабского труда нельзя себе представить в условиях Средней Азии сооружение крупных оросительных систем, городских укреплений и т. п. трудоемких работ. Особенно на этом настаивают археологи¹³. Это соображение едва ли подтверждается фактами.

Гораздо более вероятным является предположение о том, что такого рода работы могли производиться в порядке трудовой повинности — института, который исторически был введен в Средней Азии вместе с податями при ахеменидском владычестве. Для западных областей Ахеменидской империи у нас имеется об этом положительное свидетельство источника. Так, согласно известной строительной надписи на золотой пластине из Суз при постройке дворца такие трудоемкие работы, как изготовление кирпича, выполнялись по разверстке жителями Вавилона, доставка леса — ассирийцами, кузнечные работы — ионийцами¹⁴. Мы вправе себе представить, как это осуществлялось на практике. По указу царя сатрапы направляли в столицу соответствующие контингенты работников, что едва ли шло по линии обращения их в рабское состояние. Исключительно интересное сообщение в этом плане сохранил известный арабский историк Табари для времени арабского завоевания. Когда в 726 г. наместник Хорасана решил отстроить город Балх, он распределил работников для постройки по каждому округу в «соответствии с размером причитающегося с данного округа хараджа (земельного налога)»¹⁵. Едва ли сам наместник придумал такую систему. Скорее всего это было традиционной системой трудовой повинности, которая издревле практиковалась. Эта система, как это хорошо известно, сохранилась и до нового времени¹⁶.

В качестве специально археологического аргумента в пользу концепции рабовладельческой формации археологи Средней Азии указывают на расцвет городов в античное время и что именно упадок городов в конце античности знаменует собой кризис рабовладельческой формации и переход к новой, феодальной формации¹⁷. Однако анализ собственно археологических данных показывает, что заключения, сделанные на основе первичных разведок, до производства раскопок в достаточном для обоснованных выводов объеме, малоосновательны. В тех же случаях, когда раскопками удалось вскрыть более или менее значительную территорию памятника, они показали полное несоответствие предполагаемой картины с реальностью (раскопки Калала-гыра, Кой-Крылган-Калы, Древнего Пенджикента). Надо отметить, что история городской культуры Средней Азии в целом весьма слабо исследована. Последние археологические работы в Южной Туркмении показали, что уже в эпоху бронзы можно говорить о возникновении городской цивилизации, о «городской революции»¹⁸. Изуче-

¹² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Сочинения, т. II, стр. 192.

¹³ См., например: С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II. М., 1958, стр. 100 и сл.; М. Е. Массон. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. ТЮТАКЭ, т. VI. Ашхабад, 1955, стр. 37 и сл.

¹⁴ F. A. Altheim. Указ. соч., стр. 145 и сл.

¹⁵ At. Tabari. Annales, II, 1695.

¹⁶ П. И. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1968, стр. 122, 162 и сл. Разумеется, практика трудовой повинности не исключала и применения рабского труда. О наличии значительных контингентов рабов в среднеазиатских ханствах до русского завоевания хорошо известно. См.: П. И. Иванов. Указ. соч., стр. 125 и др.

¹⁷ О кризисе городской жизни см.: «История таджикского народа», т. I, стр. 420, где приводятся соответствующие ссылки.

¹⁸ В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, № 3: он же. К вопросу о «городской революции». «Тезисы докладов четвертой сессии по Древнему Востоку». М., 1968, стр. 15—16.

ние роли городов в истории классового образования — одна из назревших проблем историко-археологической науки в Средней Азии.

Общий вывод: при современном состоянии письменных и археологических источников по истории Средней Азии нет никаких данных, говорящих в пользу существования «рабовладельческой формации» в марксистском понимании этого термина. На всем протяжении исторических периодов рабство играло в основном роль паразитарного нарыва, задерживавшего поступательное развитие социально-экономического строя общества. Следует учесть и слова В. И. Ленина о том, что рабы являлись пешками в руках господствующих классов¹⁹. В истории Средней Азии это нашло особо яркое воплощение в роли рабской гвардии (гулямства).

Более конкретные исследования форм зависимости в докапиталистических обществах²⁰ и постановка во главу угла тезиса о том, что «марксистская философская мысль подразумевает под общественно-экономической формацией общество в целом, всю сумму общественных явлений на определенной ступени развития»²¹, помогут преодолеть схематизм существующей концепции, бесспорно мешающий подлинному изучению исторического прошлого народов Средней Азии.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Все выступавшие признали правильным и своевременным постановку поднятых в нем дискуссионных вопросов. Б. В. Андрианов сказал, что о древних социально-экономических отношениях нужно судить по количественным показателям; нужно выяснить, было ли земледелие орошаемым, каковы были трудовые затраты на строительство оросительных систем, на полеводство и в зависимости от этого решать, какие группы населения были заняты в той или иной области. Археологический материал должен быть использован для установления трудовых затрат на единицу поливной площади.

В. А. Лившиц выступил с сообщением о новых данных письменных источников для обозначения термина «раб». Он отметил, что Ахеменидская империя не была единой ни в экономическом, ни в культурном отношении, но общность административной системы была значительна, и это повлияло и на жизнь народов Средней Азии. Судя по мугским документам, двор князя Диваштича был своеобразным «слепок» с двора «царя царей». Парфянские документы из Нисы (I в. до н. э.) указывают на то, что в державе Аршакидов, в восточных областях продолжали жить институты податной системы ахеменидского времени.

В хорезмийских документах содержатся списки домов-семей, в которых указаны только лица мужского пола. Здесь перечисляются свободные члены семьи, рабы домовладыки и рабы членов его семьи. Наиболее употребительное обозначение раба — «хун», для рабыни — «хунана». Это наследие тех времен, когда хорезмийцы сталкивались с хуннами. До арабского завоевания «хун» имело значение «раб-иноплеменник». В этой связи В. А. Лившиц считает, что для раба-одноплеменника у иранских народов был один термин — «bandaka», а для раба-иноплеменника в разных языках выступают разные основы. Кроме того, на основе документов можно судить о том, как соотносился труд рабов и труд свободных обитателей.

¹⁹ В. И. Ленин. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

²⁰ К. К. Зельин. Принципы морфологической классификации форм зависимости. ВДИ, 1962, № 2.

²¹ В. Н. Никитин. Концепция азиатского способа производства и современная советская историография. В сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1967.

Б. Я. Ставиский говорил о том, что постановка вопроса о рабовладельческой формации сыграла в свое время положительную роль, но сейчас уже нужно отказаться от старых формулировок, и А. М. Беленицкий прав, подвергая эти формулировки сомнению.

Ю. А. Заднепровский отметил, что если мы сейчас можем согласиться с тем, что «античного» рабовладения в Средней Азии не было, то установить характер общественных отношений в дофеодальный период пока нельзя.

В. М. Массон считает, что сложная и развитая терминология для рабства имела свою динамику. Общий иранский термин для раба был единым, а для «чужака» — изменился: очевидно, это связано с различным социально-экономическим положением этих лиц в общей системе структуры общества. Историки стараются историю периодизировать, представить ее как сумму определенных этапов различных периодов. Различия в явлениях культуры восходят к социально-экономическим изменениям; периодизация, построенная внешне на критериях культуры, экономически и политически основывается на социально-экономическом базисе.